

любви, какъ нѣчто положительное, а не просто только какъ отрицательное свойство нелюбви къ своей животной личности. Да, любовь не есть и свободный подвигъ; она сводится съ этого пьедестала. Это законъ, которому мы должны повиноваться съ необходимостію, но законъ, которому мы повинемся не актомъ нашей свободной индивидуальной воли, которой у насъ нѣтъ ⁴⁰⁾. Мы оказываемся только сосудами, въ которыхъ на время помѣщается частица всеобщаго разума, самой простой логикой заставляющая насъ выполнять законъ разума. Когда мы любимъ, то любить не наша животная личность, которой свойственно быть эгоистичной, и не какое-либо другое личное наше я, котораго у насъ нѣтъ, а наше разумное сознание, частица всеобщаго разума, т. е. въ насъ любить именно всеобщій разумъ, носитель закона любви и творецъ истинной жизни.

Но недоумѣнія этимъ не кончаются. Любовь развѣнчана Л. Толстымъ и предполагаетъ цѣлый рядъ нелѣпностей. Если любить въ насъ наше разумное сознание, это невѣдомое нѣчто, то кого или что оно любить? Разумъ показываетъ намъ, что наша животная личность не стоить любви. Но стоить ли любить животную личность другого? Вѣдь она такое же призрачное, преходящее начало, какъ и моя животная личность. Да и сама эта другая животная личность приметъ ли мои услуги? Вѣдь она также прекрасно знаетъ призрачность животнаго существованія — зачѣмъ же она будетъ принимать чужія жертвы для эгоистическихъ цѣлей животнаго блага? Да и зачѣмъ я буду облегчать страданія другой животной личности, когда, по убѣжденію Л. Толстого, я буду думать, что эти страданія благодѣтельны для нея, такъ какъ показываютъ ей тщетность ея исканія животнаго блага? Дѣло обстоитъ проще, если признать, что невѣдомый любящій субъектъ, собственно живущій въ человѣкѣ безличный разумъ, любить не животную личность, ничего не стоящую, а то же разумное сознание, которое живетъ и во мнѣ, и въ другомъ, и во всѣхъ человѣческихъ единицахъ. И конечно гораздо достойнѣе разум-

⁴⁰⁾ Über Leben, стр. 115, 117 и др. Worin besteht mein Glaube, стр. 138.